

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО НЕОНАЦИСТСКОГО РЕЖИМА: УГЛЕДАР

(Материалы Международного
общественного трибунала
по преступлениям украинских неонацистов)

Москва, 2024 г.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1 марта 2022 года в ходе международной конференции в Общественной палате РФ, по инициативе российских и зарубежных правозащитников, юристов и журналистов было принято решение о создании Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов (председатель - член Общественной палаты РФ, участник СВО М.С. Григорьев). В настоящее время в него вошли представители гражданского общества более 30 стран мира (США, Канада, Германия, Франция, Испания, Польша, Индия, Аргентина, Италия, Австралия, Израиль, Сербия и др.) Основная задача Международного общественного трибунала – сбор свидетельств о преступлениях киевского неонацистского режима, представление информации о них на российских и международных площадках и передача этих данных в судебные органы стран мира для наказания виновных.

В докладе представлены непосредственные прямые свидетельства пострадавших от украинских военных преступлений жителей города Угледар, в период, когда он находился под украинским контролем.

IV Женевская конвенция определяет необходимость предоставления защиты по отношению к гражданским лицам. С этой целью «всегда и всюду будут запрещаться посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства». В статье 147 IV Женевской конвенции также указано, что преднамеренное убийство относится к серьезным нарушениям Конвенции. Согласно международному гуманитарному праву, определенные категории лиц, такие как женщины и дети, должны пользоваться особым уважением и защитой. Дети должны получать необходимую им заботу и помощь.

Женевские конвенции и протоколы к ним однозначно запрещают коллективные наказания, убийства и акты терроризма по отношению к мирному населению как в контексте международных конфликтов, так и вооруженных конфликтов немеждународного характера.

Согласно Дополнительному протоколу II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера от 8 июня 1977 года «запрещаются и будут оставаться запрещенными в любое время и в любом месте посягательство на жизнь, здоровье, физическое и психическое состояние лиц, в частности, убийства, коллективные наказания, акты терроризма в отношении лиц, всех лиц, не принимающие непосредственного участия или прекратившие принимать участие в военных действиях». В статье 13 соглашения также указано, что «гражданское население, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападения».

Согласно Дополнительному протоколу II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера от 8 июня 1977 года также запрещается «надругательство над человеческим достоинством, в частности, унижительное и оскорбительное обращение, изнасилование» (статья 4), «запрещаются акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население» (статья 13). Террор являлся постоянной составляющей политики киевского режима по отношению к русскоязычным жителям.

Ряд методов ведения войны прямо запрещены договорными и обычными нормами

международного государственного права. Грабеж определялся как военное преступление уже в докладе учрежденной после Первой мировой войны Комиссии по ответственности, а также в Уставе Международного военного трибунала (Нюрнберг), созданном после Второй мировой войны. Статья 16 IV Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года также запрещает грабеж. Согласно Дополнительному протоколу II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера от 8 июня 1977 года «грабеж запрещается в любое время и в любом месте в отношении лиц, всех лиц, не принимающие непосредственного участия или прекратившие принимать участие в военных действиях». В своём решении по делу Военной хунты в 1985 г. Национальный апелляционный суд Аргентины применил норму о запрещении грабежа, содержащуюся в Гаагском положении 1907 г., к действиям, совершённым в ситуации насилия внутри страны. Запрещение грабежа подтверждается официальными заявлениями и другой практикой, относящимися к немеждународным вооружённым конфликтам. Постоянной практикой Вооруженных сил Украины были грабежи и кражи у русскоязычного населения на временно подконтрольной киевскому режиму территории.

Согласно международному законодательству, представленные ниже факты преступлений киевского режима квалифицируются как военные преступления и не имеют срока давности. Начиная с 2014 года на русскоязычных территориях киевский режим создавал практику террора по отношению к местному населению. Одним из элементов этого террора было фактическое разрешение киевским режимом вооруженных сил и спецслужбам Украины на убийство, изнасилования, пытки и избиения местных жителей. Даже в случаях доказанных следствием и вынесенных судами решений по виновным в убийствах никто из военнослужащих не понес наказания.

Жительница города Угледара Светлана Евгеньевна Синицина свидетельствует об убийстве ее сына украинским военнослужащим из подразделения «Айдар»: «У нас столько случаев было здесь. Девчонок и насиловали украинские военные, и издевались. 27 августа 2016-го года в районе где-то 10 часов вечера моего сына зверски убил украинский военный из Айдара. Украинские военнослужащие пьяные с девушками очень грубо начали разговаривать. Максим, мой сын, остановился и сделал им замечание. Сорока Дмитрия Владимирович вытащил нож и ударил Максима в паховую артерию. Мой сын в течение трех - четырех минут истек кровью. Следователи все правильно наши написали, угледаровские. А «Айдаровцам» его отдали на поруки. Так никто и не наказал его».

Сергей Анатольевич Голобородько рассказывает: «Парень- шахтер отдыхал как-то в кафе, зашел туда военный и начал кричать

«Слава Украине!». А он сказал: «Слава шахтерам!». И за это получил ножом. Этому военному ничего не было».

Светлана Геннадьевна Панова говорит о том, как на них военнослужащие ВСУ тестировали нервно-паралитические вещества:

«ВСУ на нас как на подопытных кроликах проверяли что-то. Лежим как крысы. Ты слышишь, еле губами шевелишь, но ты не можешь ничего сделать. Мы были парализованы. И мы уже встали, а все описаны. Мы даже не чувствовали, у нас органы вообще ничего не чувствовали. Мы были в шоке».

Жители Угледара свидетельствуют, что с 2022 года украинские войска терроризировали

город с помощью обстрелов. Они специально подчеркивают, что обстрелы шли со стороны украинских позиций и начались еще тогда, когда российские войска были далеко.

Евгений Анатольевич Тарасенко, как и многие другие жители Угледара лично видел, как украинские военные расстреливали город:

«Я лично свидетель – у меня дом смотрит в сторону Курахово, в сторону третьей шахты. Я на балкон выходил и мне все видно было. По полям ВСУ машина рычит, пикап, фары включены были, видно было, что по полю едет. Остановился, бах стрельнул, слышу, что в городе прилет появляется. Потом переехал он в другое поле с той стороны, бах там пострелял». Степан Анатольевич Колтаков рассказывает о том, что особенно часто украинские военные стреляли по скоплениям мирных граждан: «В самом начале войны украинцы посмотрели, что люди не эвакуируются. Ну, не хотят уезжать, и все. И начали минометы их. Тогда даже Волноваху еще не взяли. А украинцы нас уже бомбили минометами ... мужики вышли, что-то курили, разговаривали. Шесть или пять мужиков. По толпе минометом. Чух! Бух! Все. Руки-ноги поотрывало мужикам. Кума убило моей мамы. ВСУ всегда делают так. Где гуманитарка, там и лупят». Об этом же говорит и жительница Угледара Светлана Геннадьевна Панова: «ВСУ видит, что скопление людей и начинают бомбить. Туда стреляют. Допустим, привез капеллан хлеб. Поэтому, когда приезжают, мы им говорим, быстренько давайте нам хлеб, воду, мы заберем. А они - подожди, давайте вы на камеру расскажете, что это Россия все постреляла. Я говорю, нет. Мы ж не можем им и правду сказать, потому что нас бы сразу тут и расстреляли».

Иван Андреевич Пономаренко, как и многие другие, говорит о том, что определить, что именно ВСУ обстреливает город было легко: «Мои друзья рассказывали, что ВСУ приезжали на запад города у нас, на Молодежную улицу и стреляли в сторону Павловки, а потом разворачивали дула и стреляли по городу. По третьей школе попали пару раз. Там крыша загорелась тогда. Российских войск тут не было близко. И после первых двух-трех месяцев Специальной военной операции первые прилеты в дома были со стороны Курахово. Это с севера. С украинской стороны, получается, прилеты». Жители города свидетельствуют, что особенно большое количество разрушений в городе было связано с намерением ВСУ нанести наибольший ущерб при оставлении города: «Мама мне рассказала, как украинские военные ходили по улицам. И один солдат маме сказал: «У нас приказ, мы будем отходить отсюда, будем делать «черный парк» здесь». То есть стереть с лица земли».

Собранные в Угледаре Международным общественным трибуналом свидетельские показания доказывают, что также как и в других населенных пунктах вооруженные силы Украины убивали собственных граждан для того, чтобы западные и украинские журналисты могли снять кровавые срежиссированные съемки с целью обвинения России. Среди местных жителей не было сомнений в том, кто обстреливает и откуда идет обстрел.

Ирина Витальевна Лыдина рассказывает: «В 2022 году от обстрела ВСУ пять человек погибли. Я шла за водой через дворы. Я смотрю там какие-то шматки. А там мозги, голова - там останки людей без рук, без ног. Ребёнок, пять лет, спрашивает: Папа, где папа? Отца ребёнка, Костю убили. И быстро, пяти минут не прошло журналисты. Такие вот зверства просто ради пропаганды. Репортеры, которые приехали они рассказывали, что это Россия сделала. Хотя своими глазами видели, сволочи».

Сергей Владимирович Задорожный говорит о том, что такого рода срежиссированные

обстрелы начались с самого начала боевых действий: «Наш город начали обстреливать, когда тут никаких российских войск не было. ... когда я прибежал до больницы я увидел две машины сгоревших и четыре трупа. Что самое интересное, солдаты, ВСУшники, стояли в санатории. В это здание ничего не прилетело. А все взорвалось перед больницей... Прихожу домой, уже Украина передает, что Россия нанесла удар по Угледару. Ну, кто тут поверит? Мы – нет ... А когда первый раз голубой дом обстреляли, мы пожар тушили. Самое интересное, ВСУшники приехали, при нас вызывают своих: не обстреливайте четвертый сектор, мы помогаем тушить квартиру».

Евгений Анатольевич Тарасенко рассказывает о том, как прямо на его глазах украинские военные стреляли по городу для западных журналистов: «В 2022-м году к школе подхожу, а передо мной журналистка была такая маленькая в очках, а сзади нее военный украинский был в форме. И я сзади них подхожу к школе, и она с камерой поворачивается, снимает. А на улице тихо-тихо, вообще тишина, ни выстрела, ничего не было. И украинский военный, по рации: «Что-то тут тихо, ну пошумите, пошумите тут». И началось, там стрельнули, сям где-то стрельнуло, прилетело, там стрельнуло. И журналистка такая: о май гот, о май гот, и побежала».

Еще одним методом террора местного населения была их насильственная мобилизация в ВСУ. Местные жители вынуждены были прятать мужчин и подростков. Наталья Евгеньевна Новак рассказывает, как в течении двух с половиной лет прятала своих детей- подростков: «У меня два сына. Сейчас старшему 22, младшему 19. Чтобы ребят не забрали в ВСУ мы их прятали в вентиляции. Уже было отработано, когда украинские военные идут. Дети сразу, в чём есть, даже босиком прятались в вентиляции. И было такое, что лежали там несколько часов, пока у нас была облава».

Собранные Международным общественным трибуналом данные однозначно доказывают, что русскоязычные жители Угледара, также, как и в других населенных пунктах подвергались тотальным грабёжам и воровству со стороны вооруженных сил Украины. В большинстве случаев это никак не скрывалось и делалось открыто на глазах у обворовываемых жителей. Свидетели говорят о том, что их имущество открыто вывозилось грузовыми автомобилями, пересылалось с помощью украинской почты, нередко продавалась на близлежащих территориях под украинским контролем, а в целом ряде случаев при продаже украденного открыто говорили «Товары с Донбасса». Воровство украинских военных носило тотальный характер: аудио и видеоаппаратура, включая телевизоры, бытовая техника, включая холодильники, микроволновые печи и пылесосы, сантехника, одежда, детские игрушки и мебель, женское нижнее белье и т.д. Аналогично частным квартирам и домам они грабили государственные организации, школы, детские сады.

Виталий Витальевич Бондарь свидетельствует: «Украинские военные воровали регулярно и с удовольствием. Вывозили все, что можно. Конечно, в приоритете была бытовая техника, телевизоры, стиральные машины, газовые плиты. Доходило вплоть до того, что снимали розетки, выключатели, смесители. Розетки вытаскивали, вот отбивали кафельную плитку, у кого хорошая. Плитку со стен сбивали. Умудрялись. И это отправляли через Новую почту. Они открывали магазины в ближайших населенных пунктах. Назывались это "Товары из Донбасса". И там шла распродажа ворованного. Автомобиль мой своровали. Этой весной звонит мне человек с Курахово. Говорит, я купил вашу машину, но потерял документы. Говорит, вы не могли бы мне техпаспорт привезти?».

Квартира Александра Владимировича Каблукова также была обворована украинскими военными: «Периодически наведывались в свои квартиры. У меня телевизор пропал, роликовые коньки, Даже на стенах в маминой квартире понаписывали нецензурные слова, обращенные к русским».

Сергей Анатольевич Голобородько рассказывает, как и его квартира была обворована ВСУ: «ВСУ заселились в наши квартиры, занимались мародерством, забрали всю технику, фотоаппарат зеркальный, колонки, аудио-видеоаппаратуру. То есть они все это забрали, вплоть до белья жены. Женское белье было развешано, половину они забрали. Мы заходим в комнату, а там по колено вещи. Они со шкафов всё выбрасывали на пол, что им интересно забирали. У нас вскрыли гараж. Украли дорогие велосипеды. В общем, всю технику, которая там стояла. Сняли с машины колеса. Разбили боковое стекло в машине. Все бардачки были открыты. В общем, багажник открыт. Зимнюю резину с подвала они вытянули из-под машины».

Дмитрий Викторович Житник говорил о том, как его лично чуть не убили: «Украинские военные ходили нагло с ломиками, с монтировками, ломали квартиры. Холодильники, телевизоры, стиральные машинки, пылесосы, даже вентиляторы. Один раз меня чуть не застрелили».

Виталий Сергеевич Геза свидетельствует о том, как наворованное ВСУ централизованно вывозилось грузовыми автомашинами: «Еще люди даже не повыезжали, а их ВСУ обворовывали, вывозили КАМАЗами, очень много вывозили. И по несколько раз даже приезжали даже к одному подъезду. Мы прекрасно видели. На наших глазах они не стеснялись. Это днем было».

Сергей Викторович Булава также рассказывает о том, как ВСУ открыто ограбили его собственную квартиру: «В октябре еще я пришел, на кухню зашел, оттуда вышел солдат. Уже в квартире не было стиральной машинки. Велосипед разобрали, колеса взяли».

Елена Алексеевна Кузичева свидетельствует о разграбленном детском саде: «А так ВСУ выносят, ставят на крыльцо стиралки, холодильники. И когда вот подъехали уже с БМП к нашему дому, я подходила. Ребята, конечно, они из Западной Украины там...»

Мы смотрели с окон, как ВСУ вывозили все с садика. Вот всё там, я тогда думаю, господи, Боже мой. Они выносили всё, и матрасики, и посуду. И много-много».

Наталья Петровна Задорожная рассказывает о том, что украинские военные рассматривали украденное как свою «добычу» и

«трофеи» с захваченной ими территории: «... мы сидим как мышки-норушки. Потому что они с автоматами. Они вывозили все. Взламывали двери в квартирах. Все, что им нравилось, все с квартир вывозили. Холодильники, машины, даже детские кровати. И детские игрушки вывозили, вещи. В общем, мародерство. Как они потом сказали, это у них не мародерство, это у них называется добыча. Трофеи. Они их зарабатывают. Но потом эти трофеи почему-то всплывают на той стороне, на Украине. Товары из Донбасса».

Военнослужащие ВСУ, нередко с Западной Украины, не скрывали своего отношения к жителям русскоязычных населенных пунктов и, подобно немецким нацистам, были уверены в том, что заберут у местных жителей квартиры и дома, а жители Донбасса будут на положении рабов им служить.

Ольга Ивановна Бышенко-Епифанова говорит о том, что украинские военные прямо говорили о том, что они заберут дома и землю у жителей Донбасса: «Приходили военные

украинские, в частности, с Западной Украины, и говорили, что вы здесь жить не будете, имеется в виду Донбасс, мы тут будем жить. И вот это не ваша дача будет, а это уже здесь моя дача, это моя земля тут будет. Они уже считали это своим. То есть по факту прямо говорили — это наши квартиры, наша земля там. Люди прямо переживали за то, что останутся без земли, потому что вроде как она якобы уже обещана ВСУ».

Вячеслав Эдуардович Риман рассказывает: «Начальник полиции сказал нам, выезжайте, а кто не выйдет, последний солдат будет выходить, он вас расстреляет. Были украинские военные, которые говорили - пошли отсюда, чтобы нас не видели. Ко мне один подходил, говорит, выезжать думаешь? Я говорю, да вообще-то нет, что я говорю, у меня ни пенсии, ничего. Он говорит: поедешь ко мне в деревню, на тарелку супа поработаешь, тарелку супа тебе всегда надо. То есть им нужны там были рабы».

Светлана Евгеньевна Синицина свидетельствует: «Эти украинские солдаты, которые здесь были, они нам говорили, что, мол нам здесь дадут землю, и по пять человек рабов, вы будете на нас работать».

Жители города Угледара дают однозначную оценку действиям киевского режима, квалифицируя их как нацистские. Наталья Петровна Задорожная говорит о том, что происходит: «ВСУ убивают детей, стариков, насилуют женщин. За что вы пришли, мы вас не трогали. За наш русский язык, потому что мы хотим им говорить? Мы же не хотели в Украине остаться». Светлана Генадьевна Панова квалифицирует действия Украины как «недобитый нацизм» и жестко формулирует свое личное отношение к ее режиму: «Почему по нам стреляли? Я думаю, это все нацизм. Это недобитый нацизм. Сейчас я украинский терпеть не могу. И я не хочу жить в Украине. Я не думала, что так буду их ненавидеть».

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Свидетельства жителей г. Угледар».

1**Светлана Евгеньевна Синицина, житель г. Угледар.**

Я все время живу в Угледаре с 1965 года. Здесь родила своих детей двух. У меня старший сын и младший. Младший сын 1989 года рождения. Мой сынок Гладких Максим Алексеевич. Я вышла замуж второй раз, поэтому фамилия моя другая.

27 августа 2016-го года в районе где-то 10 часов вечера моего сына зверски убил украинский военный из Айдара. В районе кафе

«Марсель» шли украинские военнослужащие, пьяные, два человека. Они с девушками очень грубо начали разговаривать. Максим, мой сын, остановился и сделал им замечание.

У нас столько случаев было здесь. Девчонок и насиловали украинские военные, и издевались. Девчонки наши, бывало, пропадали, куда они их увозили, непонятно.

И он остановился и начал им говорить, что сколько вы будете к нашим девочкам приставать. Заступился за девчат. Народ собрался, люди выскочили, которые в кафе отдыхали в Марселе, выскочили оттуда.

Один стал орать, я сейчас гранату взорву, никто не подходите.

Айдаровец - сейчас гранату взорву. Люди расступились.

Сын у меня был безоружный, он был высокий, работал в шахте. Здесь вот у меня документы все, которые у меня есть, все-все описано. Вторым айдаровец вытащил из-под сапога большой нож и ударил Максима в паховую артерию. Он знал, куда бить. Он его ударил, и мой сын в течение трех - четырех минут истек кровью.

Я с 2016-го года собрала свидетелей, подала все это в суд. Назначили ему меру наказания. Следователи все правильно наши написали, угледаровские. У меня здесь тоже документы все эти есть. Как это было, все описали. Мы думали, что его сразу закроют, а айдаровцам его отдали на поруки в часть. И после этого я с ними 6 лет вела тяжбу. 6 лет все здоровье мое на это ушло. Так никто и не наказал его.

Последняя повестка у меня — вот здесь вот. Волновахский районный суд Донецкой области выкликает Синицу Светлану Евгеньевну как потерпевшую и обвиняемый Сорока Дмитрия Владимирович. Тут написано, в общем, чтобы надо было явиться в суд. Вот эта последняя повестка за 13 января 2022 года. Этот суд опять так и не состоялся. Я приезжала на суды каждый раз. То какую-то бумажку напечатали, то он, значит, где-то там на сборах, то у него заболел этот самый... И так его и не осудили.

Фамилия украинского военного - убийцы моего сына - Сорока Дмитрий Владимирович, 95-го года рождения. Уроженец Херсона, Херсонской области. Гражданин Украины. Раньше неосужденный. Работает заместителем командира гаубичной батареи с особливим складом. В военной части 2950. Живет он за адресом Хмельницкая область, Волочисский район, село Купель, улица Набережная 4.

За то время, которое суд шел, он даже успел жениться, приезжал со своей женой, понимаете. Я единственное, что хочу, вот единственное хочу, чтобы его мать почувствовала то, что чувствую я все эти годы. Мой внук, когда он погиб, внуку было 5 лет, сейчас вот уже ему 12 лет.

У нас с самого начала войны прилетели украинские ракеты на больницу. Дело в том, что я сама лично видела, как летели эти ракеты. Вот здесь голубой дом, и с голубого дома, это со стороны Курахова, летели ракеты, а там России вообще и близко даже не было. Я сама, грешным делом, сначала подумала, что это стреляют россияне. А это все стреляла Украина.

Все наши дома, это все расстреляно, все это стреляли украинцы в начале. Даже у нас горел этот же голубой дом, где у меня там, в этом голубом доме, жила сестра. И я одно время, в общем, получилось, что я жила там. И, в общем, у нас случился пожар. Тут все видно, вот он, голубой дом, он здесь вот, значит, и, в общем, люди, которые мы здесь были в школе, мы все кинулись, стали спасать. Это первые пожары, мы еще старались спасти дома.

Пришли военные, которые здесь были, украинцы. И что ж вы думаете? Военные вроде бы стали нам помогать, чтобы тушить это все. И слышим по рации, обстрелы идут, а мы здесь людей столько собрались. Слышим он по рации, говорит, хлопцы, такой-то квадрат не стреляйте, мы здесь. Мы здесь. Это что получается?

Значит, они до этого стреляли. Они стреляли. И прекратились обстрелы. В этот квадрат тогда никто не стрелял.

Мы сидим здесь в подвале в школе. Я пришла сюда 11 марта 2022 года. Я здесь уже нахожусь 2 года и 7 месяцев. У нас даже по обстрелам можно посмотреть, где, откуда кто стрелял. Все обстрелы у нас в основном идут со стороны Украины. Они нас настреляли. Я не знаю, нас просто Бог сберег, почему не попало к нам в подвал. У нас вся школа все разгромлена. В подвал, где мы сидели, слава Богу, что, в общем, ракеты не попали. Мы каждую секунду сидели и думали, и прощались, и думали, что все, это последняя секунда нашей жизни. Вот так вот мы здесь провели два года и семь месяцев. Украинские войска не то слово воровали. У нас ничего нет. Вывозили они все, начиная от детских маленьких велосипедов и кончая мебелью. Вывезли все. У меня, допустим, вот у мамы здесь квартира, моя квартира. Я туда ходила еще в 2022-м году. Мы ходили, сумели какие-то вещи забрать. Моя квартира находится прямо там, где были их окопы.

Но мы сумели с мужем два раза сбегать и забрать свои носильные вещи. А здесь вот квартира мамы, тут вот рядышком. Вот мы ходили, у мамы были. Мама была моя в свое время. Ездили работать за границу, они неплохо жили. Была в квартире. Уже женщине 86 лет. По старинке, все в коврах, все там мебель хорошая, посуда. Забрали все, понимаете?

Это не только у нее. Мы вот здесь в школе были и только видели машины ВСУ груженные. Это холодильники, телевизоры, там эти самые уголки, кресла. Ну все, все что можно. В любую квартиру зайдите, ведь ничего нету. Люди поуждали, которые с Угледача. В основном выезжали налегке, потому что на легковых машинах ну что люди могли взять? Ну какие-то вещи. Остальные все квартиры были запакованы. У нас шахтерский городок, у нас люди жили неплохо, были вещи. Сейчас ничего нету, абсолютно все забрали. В любую квартиру зайдите, ничего абсолютно нету. Машины забирали.

У нас случай был, у нас вот здесь живет мужчина, звонят ему с Курахово, мужчина какой-то звонит, говорит, нам дали номер телефона, мы купили машину вашу, вы не могли бы техпаспорт как-то мне передать? У них машина хорошая, новая какая-то, импортная машина, он говорит, я не понял, какой вам техпаспорт передать? Ну вот ваш техпаспорт, потому что мы взяли машину, ты что, говорит, вообще, говорит, мою машину угнали, говорит, угнали украинские солдаты, а ты купил, говорит, ворованную машину.

Мало того, что они не только воровали с этих домов, даже с дачи воровали. А на даче что

люди обычно на даче вывозят? У нас дачи небольшие. То, что не нужно в квартире, так они с дач даже вывозили все. Понимаете?

А еще у нас случай был такой. Я-то нахожусь здесь в школе, а мой дом, это самый первый дом в начале города. А около домов, около первых, там ставили свои пушки, там танки украинцы. И прямо возле домов, там, где люди жили, они стреляли.

У нас соседи там были все в ужасе. Они сидели в подвале, соседи. И вот был такой случай. Значит, соседи прятались в подвале, и украинские танки стреляли. Подошел мужчина, это наш угледарский, и стал разговаривать с вояками, чтобы они не стреляли возле домов, чтобы они немножечко подальше, потому что, говорит, прилетит ответка, и все дома наши разнесут. Это украинцы, военные сказали будешь разговаривать, мы тебя застрелим.

Он опять начал, начал опять с ними что-то говорить. И тут соседи слышат в подвале - пух, пух. Два выстрела. Таких выстрелов, как с пистолета. И все. И все замолчали. А утром жена его прибежала. Она всех людей спрашивала, не видели ли они его мужа.

Мужчины пособирались, которые там были, пошли искать. И прямо напротив мой дом, напротив остановки находится. И там такой, ну как бы ров или какая-то канава была. И он валяется убитый в этой канаве и за ветками. Ну, в общем, все поняли, что украинские военные застрелили его. Это было в начале войны.

Эти украинские солдаты, которые здесь были, они нам говорили, что, мол нам здесь дадут землю, и по пять человек рабив. Я говорю, а каких рабив? Ну, вы будете на нас работать. Вы будете работать. Они нам говорили, да. Нам, мол обещали на Украине, землю здесь выдадут и по 5 рабов их нам дадут, по 5 рабов дадут, понимаете?

2

Александр Владимирович Каблуков, житель г. Угледар.

Я в Угледаре с самого рождения и до сегодняшнего дня, отработал 25 лет на шахте. Где-то в январе 2023-го года в соседние подъезды позаселялись украинские военные. А к концу января пришли в наш подъезд, старший ихний, и сказал, выселяйтесь.

Не хотя так, скрипя зубами, пришлось уходить. И перешли мы во вторую школу. Периодически навевывались в свои квартиры, по разу в неделю ходили домой. Соседние были уже вскрыты. А когда пришли еще раз за какими-то вещами и уже наши квартиры были тоже вскрыты, все перевернуто вверх дном.

У меня телевизор пропал. роликовые коньки. У мамы, мы с мамой в соседних квартирах жили, тоже все было перевернуто. Даже на стенах в маминой квартире понаписывали нецензурные слова, обращенные к русским.

3

Виталий Витальевич Бондарь, житель г. Угледар.

Нас украинские военные закошмаривали, запугивали, создавали панику у людей, чтобы выезжали. Руководство наше все выехало с первых дней, бросило на произвол. Мэр отчитался, что в 2022-м году здесь никого нет, полностью нет людей. Хотя здесь еще оставалось около трех тысяч.

Для того, чтобы люди уехали, ездили вокруг Угледара на пикапах и обстреливали Угледар с минометов, чтобы создать панику, чтобы люди быстрее выезжали, как можно больше. Для того, чтобы показать, что все бегут от русских.

Украинские военные воровали очень вплотную, регулярно и с удовольствием. Вывозили все, что можно. Конечно, в приоритете была бытовая техника, телевизоры, стиральные машины, газовые плиты. Доходило вплоть до того, что снимали розетки, выключатели, смесители. Розетки вытаскивали, вот отбивали кафельную плитку, у кого хорошая. Плитку со стен сбивали. Умудрялись. И это отправляли через Новую почту.

Они открывали магазины в ближайших населенных пунктах. Назывались это "Товары из Донбасса". И там шла распродажа ворованного.

Автомобиль мой своровали. Этой весной звонит мне человек с Курахово. Говорит, я купил вашу машину, но утерял документы. Говорит, вы не могли бы мне техпаспорт привезти? Я говорю, мало того, что и машину украли, так еще и документы отдай.

Кто звонил, говорит приехал в ГАИ покупать. А стояло там несколько машин, моя самая лучшая была. Выглядела хорошо. Украинская милиция занималась этими делами.

А как заявление на угон подать, если тут ничего нет? Если мэр вывез все службы, милицию, больницы. Все службы, какие были. Пожарную охрану под приказ вывезли. Ребята сами еще оставались. Сами по своей инициативе до последнего, но потом все равно всех в приказном порядке вывезли. Так что у нас город остался полностью без служб и всего. Без воды с 2022 года, без газа, без света. Сидим. Что сами смогли организовали. Так вот и выживали, что люди как воробьи сбивались вместе.

4

Наталья Петровна Задорожная, житель г. Угледар.

Я в Угледаре с 1989 года. Сейчас украинские военные относились к нам по-скотски. Ничего хорошего мы от них не видели. Вечное запугивание. Когда приходят, мы сидим как мышки-норушки. Потому что они с автоматами. От них можно что хотите ожидать.

Они вывозили все. Взламывали двери в квартирах. Все, что им нравилось, все с квартир вывозили. Холодильники, машины, дажедетские кровати. И детские игрушки вывозили, вещи. В общем, мародерство. Как они потом сказали, это у них не мародерство, это у них называется добыча.

Трофеи. Они их зарабатывают. Но потом эти трофеи почему-то всплывают на той стороне, на Украине. Товары из Донбасса.

Им не стыдно ничего. Стреляют лично по нас. Вот иностранные журналисты приезжают тут с капелланами. Мол это Россия стреляла. Да мы ее еще не видели тогда. Вы посмотрите, с какой стороны стреляют. Стреляют с той стороны. Да? А там же Украина стоит. Ну, сделайте вывод. Сделайте вывод. Нет. Им это не интересно.

Правда, они начинают, ну, скажите, вот расскажите это. Но мы рассказываем. Вы же правду все равно не пишете. Вы не рассказываете правду. Вы говорите то, что интересно вам, а не нам. А вы расскажите, чтобы люди знали об этом. А как этим враньем заниматься? Они такие чистые, пушистые? Нет. Ничего чистого, пушистого нет.

В 2023-м году или июль, или август приехали в нам в подвал, они здесь хотели устроить свой центр. Душевые кабинки, машинки стиральные сюда поставить, чтобы украинские солдаты ходили, купались. Журналистов были много.

Я сама не знаю, какая меня сила вынесла просто. Я вышла там, встала на дверях, на входе, я сказала, не пущу сюда. Ты - начальник милиции, ты с автоматом? А я говорю, вон мой синий дом, меня, говорю, оттуда выгнали, говорю, вот я в чем стою, говорю. И говорю, хочешь ты еще из подвала нас выгнать? А он на меня так, а я на него так. Он говорит ты в Россию хочешь? Я говорю, Угледар — это моя родина, я, говорю, здесь жила, родилась и жила. Говорю, хочешь убить меня? Расстреляй, говорю, выводи туда и расстреливай, я в шоке таком была. Я вас сюда не звала.

Об украинской власти ничего хорошего не думаю. Пусть оставят нас в покое. Пусть уйдут. Пусть идут подальше. Сказать бы этой твари Зеленскому, извините за выражение — уйди подальше.

Потому что ВСУ убивают детей, стариков, насилуют женщин. За что? За что вы пришли, мы вас не трогали. За наш русский язык, потому что мы хотим им говорить? Мы же не хотели в Украине остаться, была своя Республика Донбасс.

5

Евгений Анатольевич Тарасенко, житель г. Угледар.

В наше убежище - подвал школы я попал в первых числах апреля 2022-го года. Вот это до сих пор я здесь два года и семь месяцев уже. Я лично свидетель — у меня дом смотрит в сторону в сторону Курахово, в сторону третьей шахты. Я на балкон выходил и мне все видно было. По полям ВСУ машина рычит, пикап, фары включены были, видно было, что по полю едет. Остановился, бах стрельнул, слышу, что в городе прилет появляется. Потом переехал он в другое поле с той стороны, бах там пострелял, мне с балкона отлично было видно. Ну, кто это сделал? Позже они уже свет боялись уже, когда российские войска ближе подходили, они уже фары заклеивали. А тогда в открытую, с включенными фарами, с включенным светом ездили.

Тогда, по-моему, в Волновахе бои только начинались. В принципе, здесь и близко еще российских войск не было. А город уже был разбит хорошо.

Еще один личный мой пример. Это где-то лето, наверное, было в 2022-м году. Я еще домой ходил, хотя в школе жил уже здесь, в подвале. Дома проверял квартиру еще. И иду назад, и к школе подхожу, а передо мной журналистка была такая маленькая в очочках, а сзади нее военный служащий украинский был в форме. И я сзади них подхожу к школе, и она с камерой поворачивается, снимает. А на улице тихо- тихо, вообще тишина, ни выстрела, ничего не было.

И украинский военный служащий, по рации: «Что-то тут тихо, ну пошумите, пошумите тут». И началось, там стрельнули, сям где-то стрельнуло, прилетело, там стрельнуло. И журналистка такая: о май гот, о май гот, и побежала, как дунула куда-то. Военные служащие, ты куда, всушник, куда ты побежала? И она в сторону школы, о май гот, и дунула.

В 2023 году, в начале привозили нам гуманитарку, но я так понял, с какой целью. Привозили, потому что, чтобы ее надо было забрать и нужно было данные дать. Причем

данные полные. И паспорт, и идентификационный номер, и номер телефона твой. И тогда они записывали по списку и давали. Примеры были такие, что хлопцы приходили забирать гуманитарку, а белый микроавтобус стоял, высматривал. И потом они выходили и цепляли, смотрели паспорта, где вы проживаете в городе, телефоны там есть у кого с собой, проверяли есть что. Я знаю, что в телефоне находили, кто смотрел российское телевидение в интернете, где-то ВКонтакте или еще где-то какие-то видео в Телеграме, видео какие-то ДНР-овские. Человек 5 человек подписали контракт с ВСУ под угрозой - или 10 лет тебе.

У нас был и «Правый сектор», а «Азов» был. Вот они самые такие мародеристые были. Как-то я слышу, в городе-то тишина полная, темно, и слышно, что двери гупают. Они ходили и громко разговаривали. Человек пять где-то приблизительно было. Громко разговаривали, квартиру взломали и выносили. Потом подошли к машине, начали колупать дверь в этой машине. Одну колупали, что-то пытались завести, не получилось, а подошли к другой.

Потом уже начали в открытую ВСУ мародерничать, где-то уже в марте 2022 года. Начали уже в открытую, днём, на пикапах. Вот так проходишь, я ещё домой тогда ходил, в квадрат заходишь, и пикап. Смотрю, ковры какие-то, матрасы, телевизоры, всё, что можно. И тянут, тянут, тянут, и не стесняются. Ну, понятно, что ты ему скажешь, человек при оружии. Выносит, выносит.

История была с моей соседкой. Я присматривал за квартирами, у меня ключи были от некоторых квартир. И связь еще была. Я с ней созванивался. Она говорила, посмотри, что там, что у меня там творится. Ничего уже не было у нее. Я созвонился, говорю, что нету ничего. Я уже поняла, говорит, потому что в интернете я уже в продаже нашла свою курточку. Я говорю, а как ты определила, что она именно твоя? Ну, у меня на рукаве царапина сильная была. А там в продаже указана курточка, еще уточнение, есть царапина на рукаве. Я по фотографиям посмотрела, точно моя курточка. Уже, говорит, в интернете мои вещи в продаже уже есть.

6 Сергей Владимирович Задорожний (65 лет), житель г. Угледар.

Наш город начали обстреливать, когда тут никаких российских войск не было никого, кроме ВСУ.

Когда началось, мы как раз с женой шли в центр. Когда развернулся в сторону больницы увидели, как они пролетели и взрыв. Мы сразу забежали в квартиру, я на балкон. Там возле больницы, один был взрыв, потом второй, третий, четвертый. Я увидел, как люди оттуда начали бежать. Я жене говорю, побегу, может, кому-то надо помочь. Потому что оттуда бегут, а туда никто не бежит. И когда я прибежал до больницы я увидел две машины сгоревших и четыре трупа.

Что самое интересное, солдаты, ВСУ-шники, они стояли в санатории. В это здание ничего не прилетело. А все взорвалось перед больницей, перед входом, и там попало где-то в трансформаторную. Я пробежал вокруг этого больницы, а там у нас заправка. Как машины стояли, под заправку заезжали и машины так и стоят.

Прихожу домой, уже передают по новостям. Украина передает, что Россия нанесла удар по Угледару. Ну, кто тут поверит? Мы нет. Тем более, я когда шел, ребята тоже бежали. Они

говорят, потом разговор так между... Говорят, какая это Россия? Они на гаражах были. Они видели, как эти ракеты со стороны Курахово оттуда запускали, оттуда летели. Но самое интересное, за полчаса до этого, до прилета, их всех вывели оттуда. Украинских солдат. Потом приезжали корреспонденты с Украины. Они мне начали говорить, что это Россия «Смерчем» или чем обстреляла. Я им говорю, а почему же тогда солдат вывели? За полчаса обстрела, я говорю, вывели солдат. Мы видели, люди видели, откуда оно летело. Я говорю, вы знаете, если бы я туда не побежал и лично не видел это все, что там ни одного солдата не было. А потом они заехали назад. Это февраль месяц 2022 года.

Вот так начиналось. Еще не было вообще русских. Ну и пошли обстрелы. Первая школа, ходили там гуманитарку получать. Там стоит БМП, там общежитие за углом. Я как прошел, смотрю, БМПшка стоит. Что она делала? Выезжает с той стороны, стреляет на эту сторону, понимаете?

Чтобы люди из города выезжали, команда такая. БМП проезжает, то по центру станет, обстреляет туда-сюда, то с этой стороны. Это все мы видели. Могут люди, я думаю, вам рассказывали за эти обстрелы, как ездили по городу и обстреливали нас.

Нас фосфором обстреливали. На утро, на следующий день или к обеду проезжают наши начальники бывшие. То Новиков проезжал, то и другие проезжают. Опять говорят, чтобы мы выезжали. И всегда корреспонденты приезжали. Ну, мы люди такие, что им правду говорили. Они все нас подталкивают, чтобы я сказал там или кто-то, что это русские обстреляли.

Однажды приехал поляк. Это что, русские стреляли? Я говорю, вон оттуда стреляют. Со стороны Курахово. А теперь пойдём, я еще покажу одно такое. Пошел, показал, вот смотри, дырки, откуда они летели, так вот, с коттеджа, на коттедже, говорю, кто там стоял. Русских говорю тут нету, там стоял Азов, вот эти вот баты, или как их там называли, националисты. Говорю, вот смотри, откуда обстреляли, оттуда обстреляли и мой дом. И мы все возмущались, неужели, говорю, обстреливают своих?

Приезжали украинские корреспонденты. Униан или что там. Бежит ко мне, можно у вас взять интервью? Говорю, нельзя. А почему, мол? Я говорю, потому что вы все врете. Говорю, ваши новости невозможно слушать. Говорю правду - уже потом в школу к нам не заходили.

А когда первый раз голубой дом обстреляли, мы пожар тушили. Самое интересное, ВСУшники приехали, при нас вызывают своих: не обстреливайте четвертый сектор, мы помогаем тушить квартиру. Понимаете?

Раз пошел в город, увидел, какие разрушения. Господи, Боже. Так это еще до активных действий русской армии. От ВСУшников город этот очень сильно пострадал. И главное, кому не говоришь, кто приезжает, они сразу говорят, о, так это Россия. Я им доказываю, это не Россия. Говорю, нету тут России, ещё нас они не обстреливали.

Как вот тут с Волновахи украинцев погнали, это орда заскочила. Орда. Я журналисту одному говорю ты же все равно не напишешь. Не напишешь это. Приезжали и американцы. Я тебе говорю, а ты головой машешь. Ты же все равно это не напишешь. Что мы не говорили нигде не было. Ни по новостям, ни в интернете, не было, чтобы сказали, кто нас обстреливает, кто грабит нас, кто все.

А ВСУ грабили прямо на глазах, возле подъезда машина, подъехали двое, машину давай. Выскакивают хозяева, ребята, что вы делаете, это же наша машина. Там не было аккумулятора, уехали, приехали, аккумулятор посадили, угнали. Очень хорошо грабили.

7

Марина Владимировна Голобородько, житель г. Угледар.

В Угледаре я работала директором колледжа. Украинские обстрелы города начались тогда, когда о российских войсках поблизости речи ещё не могло идти. Ни о ДНР, ни о российских войсках.

24 февраля 2022 года к нам прилетела первая ракета. То есть это ещё только-только было начало Волновахи, бои в Волновахе. Здесь уже были первые обстрелы. И тогда у нас были первые погибшие. Двое погибло, были ранены еще.

С этого дня начались планомерно в одной части города, потом в другой части города обстрелы. Люди сами видели, как ехал по центру города украинский танк, остановился, повернул дуло и выстрелил в подъезд. Они просто ездили по городу, стреляли.

Они обстреливали город, ездили на пикапе, там стоял миномет и вот он вкруговую объезжает и обстреливает. Они пугали людей, чтобы люди быстрее уезжали, освобождали им место. Ну и, собственно, меньше людей, меньше свидетелей, меньше кто скажет о том, что они видели.

Украинская администрация уехала и здесь вообще не было никакой власти. Они выехали в первые дни буквально. Полиция, пожарные, МЧС, все уехали отсюда. Сюда заехали только украинские военные. Они и руководили.

В 2023 году у моего папы ВСУ просто угнали машину. Просто открыли и угнали. Когда перед вами стоит человек с оружием, возражать очень сложно. Мою квартиру обокрали. Даже вырезали кусочек лацкана на пиджаке, где была булавка. Я видела своими глазами состояние алкогольного, наркотического опьянения у украинских военных. Это зрачки, это нельзя не увидеть, не заметить, дерганые были. Стреляли по окнам, они так развлекались. Мы все время старались закрываться, уходить, чтобы не попадаться на глаза.

ВСУ нас выселяли из квартир. Они не спрашивали, они говорили, у вас есть там 10 минут, полчаса, вы должны освободить нам квартиру и всё. Там никто никого не спрашивал.

В нашем подвале в школе, когда начиналось всё было 680 человек. В этом подвале. Потом постепенно люди стали выезжать, начались массовые эвакуации. Вот и так по чуть-чуть, по чуть-чуть, кто-то погиб, кто-то умер собственной смертью. Те, кто были с детками, вынуждены были выезжать, потому что их тоже там заставляли эвакуироваться. Приезжали машины, там было написано "Белый ангел".

Они рассказывали о том, что если вы не выедете, то мы вывезем детей насильно, детей отберем, родителей посадим.

Ну, а наша задача здесь была сохранить наших мужчин, и мы их прятали в подвале. У нас есть определенное место, в котором мы прятали наших мужчин. Это было все два с половиной года. Была мобилизация, пришло время, когда мы просто наших мужчин не показывали на улице вообще. В Угледаре СБУ сюда заскакивали, проверяли у нас документы, телефоны. В один из таких их заходов у нас забрали двоих мужчин, которых мы, к сожалению, не успели спрятать, они где-то служат в ВСУ.

Меня всё время терроризировали. Ты молодая, у тебя есть образование, ты можешь работать, почему ты не выезжаешь на Украину? Если ты не сепаратистка, если ты не предатель, то почему ты тут сидишь и не выезжаешь?

Пока здесь были мои родители и бабушка, я говорила о том, что здесь мои родители,

бабушка, я их не брошу. Потом не стало бабушки, папа сильно заболел, он был вынужден выехать, его прооперировали. И потом уже были моменты, когда я и сама там чаще пыталась быть невидимой, заскакивать куда-то просто, чтобы перестали доставать.

8

Сергей Анатольевич Голобородько, житель г. Угледар.

Я шахтер, пенсионер, но я продолжал работать на шахте до 24 февраля 2022 года. 12 марта нас выгнали из дома. Приехали ВСУ, они бежали с Волновахи. Приехали, начали стучать в квартиры. Нам сказали, у вас есть полчаса, собирайтесь и уходите отсюда. У соседа взломали машину.

Мы собрали вещи и пришли сюда, в школу, в подвал. ВСУ заселились в наши квартиры, занимались мародерством, забрали всю технику, фотоаппарат зеркальный, колонки, аудио-видеоаппаратуру. То есть они все это забрали, вплоть до белья жены. Женское белье было развешано, половину они забрали.

И когда мы пришли домой, такая вот картина была. Мы заходим в комнату, а там по колению вещи. Они со шкафов всё выбрасывали на пол, что им интересно забирали.

У нас вскрыли гараж. Украли дорогие велосипеды. В общем, всю технику, которая там стояла. Сняли с машины колеса. Разбили боковое стекло в машине. Все бардачки были открыты. В общем, багажник открыт. Зимнюю резину с подвала они вытянули из-под машины.

Еще был такой случай. Тут у нас дом рядом со школой, с подвалом. Мы его закрыли на ключ, на замок. И в какой-то момент мы слышали, что там разговор. Мы со Славиком зашли туда, увидели двух военных. Они без оружия были. Мы спросили, что вы в этом доме делаете. Они сказали, мы смотрим тут позиции. И быстренько убежали через окно, через первый этаж, они убежали.

Буквально через день пришли человек пять, и вот они сразу подошли к двери, закрытой этого подъезда, а там постоянно замок висел, и направили на него вот этот муха, или как он, гранатомет называется, труба вот эта, хотели взорвать ее. Мы сказали, что вы делаете, вот ключ, зачем? И вот тут они начали нас тыкать автоматами, кричать, мы вас расстреляем и все такое прочее. Славику порвали тогда паспорт украинский. Хотя, по сути-то, они не имели права проверять у нас паспорта. Но тут же закон не писан. Они забрали паспорта, проверили. Думали они нас расстреляют. Мы открыли подъезд. Они пошли, лазили по квартирам там. Потом еще неоднократно приходили. Говорили, давайте ключи. Заходили, мы слышали, как они ломают двери, и выходили оттуда с сумкой. Вот так. Особо с нами никто не церемонился.

А еще давно парень-шахтер отдыхал как-то в кафе, зашел туда военный и начал кричать «Слава Украине!». А он сказал «Слава шахтерам!». И за это получил ножом, ударил в район бедра, в артерию, он истек кровью сразу просто. Этому военному ничего не было.

Когда это все началось, народу было очень много, практически пол Угледара точно людей было еще. И тогда голове военно-гражданской администрации начали задавать вопросы. Где военная комендатура, которая будет наводить с военными порядок, которая будет реагировать на их мародёрство, на их пьянство. Но при этом онничего не ответил и уехал.

Мирные жители говорили, что, когда с украинскими военными разговаривали, спрашивали, что вы делаете? А они сказали, что нам ваш мэр отдал город и сказал, что хотите, то и делайте.

Ездил украинский джип с минометом и обстреливал город. Я так думаю, что это было специально для того, чтобы выезжало мирное население.

9**Ирина Витальевна Лыдина (67 лет), житель г. Угледар.**

В 2022 году от обстрела ВСУ пять человек погибли. Где-то конец марта, начало апреля.

Я шла за водой через дворы. Грохот был сумасшедший. Я смотрю там какие-то шматки. Я думаю, собак что ли подкармливают. А там мозги, голова - там останки людей без рук, без ног. Страшно.

И быстро, пяти минут не прошло журналисты. Белая, большая машина. Я еще удивилась, что они выходят и снимают, а рот до ушей. Я еще думаю, Господи, что ж вы улыбаетесь если люди погибли. Такое творится в фильмах ужасов. Это очень жутко. Очень страшно.

Специально для съемок обстрел. Все так, в общем-то, считали. Такое впечатление, как будто ВСУ чуть ли не с крыши девятиэтажки стреляли. Мгновенно разнесло эту пластмассовую бочка для воды, краник, да. Всё разнесло. Людей. Ничего не осталось.

Был наш сосед там. Я на третьем живу, они на четвёртом. Ребёнок, пять лет, спрашивает: Папа, где папа? Отца ребёнка, Костю убили.

Почему ВСУ так делает? Знаете, это ж, наверное, ни год, ни два прошло ... с распада Союза все началось, что русские плохие так далее. Американцы поджучивали.

Такие вот зверства просто ради пропаганды. Репортеры, которые приехали они рассказывали, что это Россия сделала. Хотя своими глазами видели сволочи.

Помню около первой школы мы получали гуманитарку. И украинский танк как влупасил. По школе стрелял. Еще в 2022 году.

10**Светлана Геннадьевна Панова, пострадавшая от преступлений ВСУ из г. Угледар.**

Я в Угледаре уже 52 года. Мне было четыре годика, мама меня маленькую привезла. Шахтерам давали квартиры за полтора месяца. И вот я с Угледаром росла.

6 февраля 2023 года ВСУ запрещали в моем доме в мою квартиру мне заходить. А как же нам воду брать? У нас ничего не было. Мы жили в подвале между вторым и третьим подъездом.

А другие ВСУ заминировали. Туда нельзя ходить. Ходить только второй и третий подъезд. Они нам: «Чего вы тут сидите? Выезжайте, это беспечно». А где беспечно? Так они и не сказали. А чтобы выехать, деньги нужны. У нас их нет. У меня документы, я работала в больнице, у меня сгорели в больнице там. У меня только паспорт.

В этот день я высыпала кушать собакам. Это было в феврале, было холодно. И слышим, как начинают камешки трещать от людей. Мы сразу в подвал зашли. От ВСУ много бед. Все проукраинцы выехали на Украину. Мы только остались тут до конца ждать своих в России. Сашка пенсионер. Валик пенсионер. Тот раненый. И мы три бабушки.

Наши говорят: «Кто-то лазит в подъезде». Под лестницей стояли.

Там, когда стоят, слышно, что под ногами что-то трещит.

Наши курили всегда возле поддувала у печки. Я смотрю, Сашка лежит, и такой цвет. Он говорит: я, по-моему, умираю. Я говорю, как? Я шаг-два сделала, и все, и сама вот так упала на кровать. А Сашка возле печки. Тетя Люба там с кровати упала.

Лежим как крысы. Ты слышишь, еле губами шевелишь, но ты не можешь ничего сделать. Тетя Валя - я дотрагиваюсь до нее, она холодная. Я кричу, тетя Валя умерла. Мы были парализованы.

Юрка надел противогаз, догадался одеть. И он открыл дверь, воздух начал поступать, и он начал, мол, подрывайтесь, давайте на улицу. И мы уже встали, а все описаны, обкаканы. То есть, ну, мы даже не чувствовали, у нас органы вообще ничего не чувствовали. То есть мы были в шоке.

ВСУ на нас как на подопытных кроликах проверяли что-то. Мало того, подвал у нас хороший, тёплый. Может, выгнать еще нас хотели. Потом у нас побочка пошла, начала мышцы лица. И у собак оскал.

Потом через день зашли ВСУшники. Сколько у вас там осталось? Говорю, вы же считали нас ночью. Ходили только ночью считали. Где седьмой? После всего вот этого Валик ушел. Ни залетают: где седьмой, где седьмой, куда это делся? Говорим, да вы же знаете, инвалид, пенсионер. А давно, когда мы пошли где был ДНД, восьмой дом - там у нас был магазинчик, там можно купить хлеба. ВСУ на танке проезжали увидели скопление людей, развернули танк и четыре выстрела было в дом. Содрогнулись все. Мы быстро в подвал спустились к Светке. Конечно, много осколков было. Кому в спину, кому еще...

Украинские власти говорили идите на Вектор для воды. Все, кому надо вода, поехали туда. И тут бабулечки, все пенсионеры и молодежь. Собралось большое количество. И туда ВСУ ударили. Жесть. Людям руки-ноги поотрывало. И голову. Много пострадавших. И сразу репортеры.

ВСУ видит, что скопление людей и начинают бомбить. Туда стреляют. Допустим, привез капеллан хлеб. Это редко бывало, но привозил. Вот сюда на квадрат, впереди школы привозил. Мы идем, летит дрон ВСУ. Много сразу попадали, быстренько. Поэтому, когда приезжают, мы им говорим, быстренько давайте нам хлеб, воду, мы заберем. А они - подожди, давайте вы на камеру расскажете. Что вам рассказать? Что это Россия все постреляла. Я говорю, нет. Ну, мы ж не можем им и правду сказать, потому что нас бы сразу тут и расстреляли. Нам и так вот угрожали. Так что жутковато было.

Почему по нам стреляли? Я думаю, это все нацизм. Это недобитый нацизм, который вот остался. Я вообще на русском разговариваю, на украинском я плохо разговариваю. Мне как-то было все равно. Украинец ты, не украинец, там негр, не негр. А сейчас вот я украинский терпеть не могу. И я не хочу жить в Украине. Я не думала, что так буду их ненавидеть.

В каждом доме по два-три человека жили, люди не хотели выезжать, хотели остаться. А нам ВСУ постоянно говорили, выезжайте, выезжайте, выезжайте, вы нам мешаете.

А что это мы вам мешаем, мы на своей земле, минуточку. Это вы к нам пришли, разрушили все, обокрали, разбомбили, спалили хату, сделали нас бомжами.

Когда зашла Россия — это, наверное, самый счастливый в жизни мой день. Вот зашли российские хлопцы, молодые. Аж такая эйфория, земля из-под ног выходит. Вот такая вот тут радость. Я очень благодарна. Спасибо, низкий поклон всем ребятам.

11 Алина Петровна Голодняк (74 года), пострадавшая от преступлений ВСУ из г. Угледар.

24 февраля 2022 года у нас начался обстрел. Украинская диверсия была. Одни считают, что украинская диверсия, а были и по-другому считали. Украина развязала всё это.

Однажды в 2022-м был комендантский час и двое мужчин не зашли в подъезд. Я говорю, а чего вы не зашли и двери не закрыли? Они сказали, что тушенку нам пообещали. А потом обстрел. Вместо тушенки получили взрыв. Мужчину насмерть убило. Он зашел только в подъезд. Меня контузило. Это на Пасху было.

Квартиру полностью разнесло. Меня, конечно, оглушило сильно всё это. Начали плакать женщины, её муж ещё там, от квартиры ничего не осталось, а мужчину убило сразу. Собачку там убило.

Обстреливают, потому что нас не любят, в сущности, в Украине. Сепарами называют. Мы в подвале уже здесь были, зашли два парня: шо вы тут сыдытэ? Чего мы тут за вас воевать должны сепары, ждуны?

Мы им сказали не пугайте, что вы автоматы наставили здесь люди и больные. Бывало, забегали прям с автоматами, проверки устраивали. Боялись мы, конечно, всего этого.

12 Ольга Ивановна Бышенко-Епифанова, житель г. Угледара.

ВСУ мародерством занимались. Я это лично видела глазами своими. У нас был дом под замком, чтобы хоть какие-то вещи у людей сохранились. Причем многие люди пооставляли вещи в надежде, что они вернуться.

ВСУ хотели сперва оружием пробить, гранатометом. Мы спросили, что хотите. И они сказали, открывайте. Ребята открыли, они зашли с сумками, вышли с огромными сумками. Это все было настолько прямо, нагло, это было среди дня, стояли люди на улице, стирали, там, мусор выносили, заматали, в общем, неважно. Без всякого там скрывания. Они вынесли сумки, сказали, закрывайте теперь, все. Это было начало 23-го хода.

Мы звоним родителям, и родственники же звонят, и соседи звонят, и все, все спрашивают. И я вам больше скажу, с той стороны соседи, люди, они не верят в то, что такое происходило. Они считают, что это мы забирали вещи, это мы сидим в их вещах и все остальное. То есть это мы мародерим. Не великая... украинская армия, а это именно вот мы.

Когда люди выезжали, они свои вещи находили на рынках. Просто там аппаратуру свою и все остальное. В начале в 2022 года началась война и потом ВСУ вообще просто КАМАЗами вывозили. Не стеснялись абсолютно, холодильники и все такое. Они в гаражах создавали место, куда это сперва все свозили, а потом, видимо, когда была ротация, они это все вывозили. Это было очень нагло, очевидно. Нам просто повезло, что мы остались все живы, потому что свидетели, как известно, долго не живут. Мы же это все видели глазами.

Но мы боялись. Мы страшно их боялись. Потому что они очень редко бывали трезвые. Было запугивание - мы вас всех насильно вывезем, если только мы отсюда выйдем, мы вас всех здесь похороним. Мы с этим жили. Мы понимали, что они нас ненавидят.

Они говорили, что они будут стрелять в нас. Все два с половиной года мы жили в жутком страхе. Многие-то могут в это не поверить, потому что нам приходилось улыбаться, когда

приезжали украинские волонтеры. Потому что иначе ты не получишь воды, останешься без воды, без еды или еще что-нибудь.

Ты чувствуешь, что я не хочу жить в вашем государстве с вами, потому что вы занимаетесь насилием. Вы же понимаете, что в Украине нет вариантов другого, ты делаешь либо так, как хотят они, по-другому не может быть. Если вы так не делаете, будете страдать вы, будут страдать ваши близкие.

Жители Угледара жаловались очень много на то, что приходили военные украинские, в частности, с Западной Украины, и говорили, что вы здесь жить не будете, имеется в виду Донбасс и все, мы тут будем жить. И вот это не ваша дача будет, а это уже здесь моя дача, это моя земля тут будет. И прям люди боялись этого, потому что вроде как уже их посписывали.

Они уже считали это своим. То есть по факту прямо говорили — это наши квартиры, наша земля там. А люди, которые живут, те же самые дачи? Нет, это будет моя дача, вот тут я буду жить. Вот в этой квартире. Не от одного и не один раз. Люди прямо переживали за то, что останутся без земли, потому что вроде как она якобы уже обещана ВСУ.

13

Наталья Евгеньевна Новак, ее сын Новак Сергей (19 лет), жители г. Угледар.

У меня два сына. Сейчас старшему 22, младшему 19. Чтобы ребят не забрали в ВСУ мы их прятали в вентиляции.

У них уже это было настолько отработано, когда украинские военные идут. И дети сразу, в чём есть, даже босиком прятались в вентиляции. И было такое, что лежали там несколько часов, пока у нас была облава, и требовали документы. Людей ВСУ согнали, здесь в подвале согнали людей. И был такой момент, было так страшно. Получается, старший сын успел спрыгнуть с кровати и спрятаться, там же у нас тренажёры, и просто темно, и он спрятался. А меньше ещё нет. И украинские солдаты начали ходить с автоматами, везде проверять. А он заскочил на кровать и спрятался за одеждой. А я вижу, что он стоит. И вояка к нему идёт, и пришлось просто внимание на себя обратить, чтобы он отвернулся, чтобы он не увидел, что там стоит ребёнок. Он освещал, и он бы увидел его ноги. И потом, пока я там кричала, всякую ерунду молола, он отошёл ко мне. Я даже не знаю, как он там проскочил, меньший, как он успел, потому что потом, когда я уже смогла подойти, его не было. Я была просто в ужасе, не могла понять, куда он делся.

Он, там согнувшись, успел в темноте спрятаться в вентиляцию. Было страшно, конечно, страшно, жутко. Они лежали раздетые там три часа, дети вышли оттуда, их трясло. В футболках и с босыми ногами зимой, это же подвал. Уже холодно, поэтому это было страшно.

Я, Ольга и Марина дежурили наверху на лестнице, ну, то было и в 5, вставали и в 6, вот до 12 часов. В любую погоду мы были на дверях, как часовые. Чтобы если где-то увидеть там украинских военных, мало ли, те же самых украинских волонтеров, то чтобы успеть предупредить. Все сразу в рассыпную. По залам побежали. Мужчин предупредить. Все в курсе, все знают. Если мужчины идут – все прячутся. Даже если волонтеры.

Приезжали к нам журналисты. Это напоминает, как на обезьянки в клетке. Ходят, снимают. Что вы снимаете? Зачем? Что вы хотите увидеть? Люди вымученные, пожилые. Было нагло вели себя. Были украинские и зарубежные.

У нас были украинские волонтеры, приезжали. Мол, мы вам будем оказывать помощь. Здесь люди живые, а не клоуны. Не надо ездить, чтобы вы себе где-то отметили галочку. Это не помощь. Были которые помогали, привозили хлеб и воду. Им большое спасибо. А были, которые работали, я не знаю, для пиара, пиарили себя.

14 Елена Алексеевна Кузичева (73 года), пострадавшая от преступлений ВСУ из г. Угледар.

Я живу в Угледаре с 1978-го года, а мне 73 года. ВСУ просто взламывали квартиры, выносились все буквально. В общем, что они хотели, то они брали. Машины, которые стояли во дворах, все забраны.

У нас сзади дома машина, ещё советского выпуска, ВСУ не могли никак ее завести. А так ВСУ выносят, ставят вот на крыльцо стиралки, холодильники. И когда вот подъехали уже с БМП к нашему дому, я подходила. Ребята, конечно, они из Западной Украины там. Я же подошла и говорю, так, ну, ребята, ну, пора уже договариваться о мире. А он мне сказал, на украинском, что о мире поехал уже Макрон договариваться с Зеленским. Я еще говорю, причем тут Макрон? У нас кто президент? Зеленский. Он должен... Вы понимаете, у меня такое впечатление, что для них тут земля, а нас не существует.

Мы смотрели с окон, как ВСУ вывозили все с садика. Вот всё там, я тогда думаю, господи, Боже мой. Они выносили всё, и матрасики, и посуду. И много-много. И вот это вот у нас продолжалось до последнего. Я уже не знаю, что там можно с разбитых квартир выносить.

15 Сергей Викторович Булава, житель г. Угледара.

Все жители подъезда уехали. Я остался сам. В общем, я смотрел на Павловку, когда её обстреливали. Я смотрел с крыши своего дома и меня заметили. В общем, утром в дверь постучали, я открыл двери, там военные. Сказали, собирайся, документы и телефон бери с собой. Они одели мне чёрный мешок на голову, чтобы я их не видел. Чтобы не видели, куда они ведут меня. Это было в начале лета 2022-го года.

Они начали меня спрашивать, почему я смотрю на Павловку. Я сказал, что там живёт мама. Брат, сестра. Ударили меня по ребрам очень сильно, у меня были потом синяки, долго болело одно ребро. По двум сторонам ударили. Допрашивали где-то с полдевятого утра и до часу дня. Четыре с половиной часа.

Я сказал, что я ни в чем не виноват. Я просто смотрел. Просил их, чтобы они меня отпустили. Но они сначала в одном месте допрос, потом посадили в машину, повезли в другое место. С черным мешком. Я их не видел. Между собой они тоже не разговаривали. Недалеко от Угледара отпустили, высадили с машины. Мешок сняли и показали, рукой показали, где в сторону Угледара. Квартира была закрыта. Ключи куда-то они забрали. Я пришёл в подвал в школы.

Потом пришёл, там был солдат в квартире. Я спросил, можно взять вещи? Он сказал, можно. Проверил паспорт. Я сказал, что я тут прописан, жил тут. В общем, я минут пять вещи некоторые взял и ушёл.

В октябре еще я пришел, на кухню зашел, оттуда вышел солдат и увидел, что я в квартире. Я сказал, что я тут живу. Это моя квартира. Он сказал, что у тебя 5 минут взять вещи и гуманитарку. Уже в квартире не было стиральной машинки. Велосипед разобрали, колеса взяли. А потом моя квартира сгорела в декабре 2022-го года.

16 Вячеслав Эдуардович Риман , житель г. Угледар.

Я шел в магазин, переходил центральную дорогу и было три выхода миномета, и приземления были в районе нашей школы. Каждый день ВСУ по три мины выпускали, по разным точкам. У нас в школе очень много людей находилось. Крепенько раз обстреляли, 180 человек сразу уехали. Потом опять, через два дня опять сильно обстреляли. Опять еще уехали, 160 человек.

Они один день сюда, потом день по Молодежке, день по Старому поселку, день еще возле Вектора. И все время били, когда начинали люди собираться. На Векторе приходили за водой. Большое скопление людей было. 120-й миномет прилетел, очень много жертв было. Там прям кусками собирали и хоронили.

Начальник полиции сказал нам, выезжайте, а кто не выйдет, последний солдат будет выходить, он вас расстреляет. Были украинские военные, которые говорили - пошли отсюда, чтобы нас не видели. Ко мне один подходил, говорит, выезжать думаешь? Я говорю, да вообще-то нет, что я говорю, у меня ни пенсии, ничего. Он говорит: поедешь ко мне в деревню, на тарелку супа поработаешь, тарелку супа тебе всегда надо. То есть им нужны там были рабы.

17 Виталий Сергеевич Геза, житель г. Угледар.

Началось это все в марте месяце 2022 года, но очень сильно активно стало в апреле 2022. Очень сильно активно. Ездил украинский танк в открытую и передвижной миномет. Они били по домам не стесняясь. Мне спалили квартиру. Палили дронами. Сжигали все дома. Разбивали танками, разбивали минометом.

Еще люди даже не повыезжали, а их ВСУ обворовывали, вывозили КАМАЗами, очень много вывозили. И по несколько раз даже приезжали даже к одному подъезду. Мы прекрасно видели. На наших глазах они не стеснялись. Это днем было.

А от обстрела танкового отец моего знакомого погиб. Они шли за водой, ходили на вторую школу. Там, где есть колодец, где воду набирают. И шли они, зашли уже до подъезда, и слышно было выстрел танка. Потом свист, они были на ступеньках, на первом этаже. Три человека. Кум мой, его отец и знакомые. Это было в 2022 году.

В последнее время около поселились украинские дрончики. Мы сидели давно уже в подвале. Они перед освобождением пожгли дома. Ведь они уже все понимали и очень активно начали жечь дома. Невозможно даже потушить. Пытались, а все, невозможно. Эта целенаправленно просто выжигали здесь. Все целенаправленно, били по домам, ездил танк. Если только услышал движение, все, можно сразу опускаться вниз. И все, поехали, не стесняясь, днем и ночью лупили по домам.

18

Дмитрий Александрович Житник, житель г. Угледар.

Украинские военные ходили нагло с ломиками, с монтировками, ломали квартиры. У них, как, я не помню, кто-то из соседей спрашивал, зачем он воруют. Они говорят, что на нужды армии. Холодильники, телевизоры, стиральные машинки, пылесосы, даже вентиляторы. Зачем вентиляторы? Ходили внаглую с болгарками, они никого не стеснялись.

Один раз меня чуть не застрелили. Я живу во втором подъезде, они заезжали в первый подъезд, попросили лестницу. Лестница у нас на улице была. Они взяли лестницу, я пошел за лестницу спрашивать. Я не знаю, на каком они этаже были, но на первом этаже был. Бежит какой-то хлопчик молодой, автомат перещелкнул. И говорит, какого, ну, матом не буду ругаться. Что ты тут делаешь? Чтоб я тебя не видел. А я зашел в подъезд, чтобы забрать свою лестницу.

Я в подъезде стоял, он со второго этажа перещелкнул автомат, выбежал и говорит, какого ты тут делаешь, чтобы я тебя тут больше не видел, а то пристрелю.

19

Степан Анатольевич Колтаков, житель г. Угледар.

Я шахтер, всю жизнь здесь живу, работаю. Украинцы всем чем можно было обстреливали. В 2023-м, в марте, здесь русских в помине не было. Украинские войска обстреливали минометами. Украинские войска.

В самом начале войны украинцы посмотрели, что люди не эвакуируются. Ну, не хотят уезжать, и все. И начали минометы их. Тогда даже Волноваху еще не взяли. А украинцы нас уже бомбили минометами. Людей выгоняли таким способом. Вроде бы как зачистка, мы даже не понимали, что за зачистка. Они говорили, зачистка, зачистка, вот зачистка. Ну, а по народу передавалось все. Мы же там ходили, уже воды не было, ходили на почту, а там скважины, генераторы поставили, и весь поселок питался оттуда. И потом уже, кактуда в толпу прилетело, тоже поразрывало людей. И все, перестали мы туда ходить.

Это сколько было случаев тоже? Говорят, мужики вышли, что-то курили, разговаривали. Шесть или пять мужиков. По толпе минометом. Чух! Бух! Все. Руки-ноги поотрывало мужикам. Кума убило моей мамы.

ВСУ всегда делают так. Где гуманитарка, там и лупят.

20

Сергей Викторович Щебельский, житель г. Угледар.

У меня была история в Ольгинке в 2016-м году. Я ещё машиной с бахчи арбузы привез. А потом нас обстреляли. Моя мама была, я приехал с работы к ней. У ВСУ там блокпост стоял. То ли «Айдар», то ли «Правый сектор» на трассе они стояли. И ночью что-то вышел на улицу, где-то около часа ночи, и слышу пошли пролеты снарядов. И они что-то не поделили ВСУ-шники Айдаровцами или ещё с кем-то. Те брали дань с фур меньше, а «Айдар» или «Правый сектор» больше. И что-то там разногласия у них такие получились. И они, давай, ВСУ-шников обстреливать. Из Благодатного и с Новотроицкой. Вот этот блокпост, короче

обстреляли. А мы на пересечении огня были. Головы никто не поднял. Дома побили. И мы в подвале две ночи подряд.

ВСУ - мародерщики. Намародерят, а потом машина приезжает. И вечером, и ночью грузятся. Это было у нас в Угледаре сейчас. У нас по подъезду, где квартиры не открытые были, взорвали. Посмотрите, там видно, всё на лицо, всё взорвано. Двери. Она там взорвали, всё вывернуто, все двери.

19 апреля в 2022 я ранение получил. ВСУшники стреляли. Мы готовили у школы. Начался прилет. Я в подъезд, я девчат успел на лестницу засунуть, а я сам не успел. И осколок в руку. Миномет.

Они специально, мне так кажется, чтобы людей побольше выехало. Они тупо обстреливали город для того, чтобы выжить людей. Чем больше, тем лучше. И постоянно: «Чего вы не выезжаете? Чего вы не выезжаете? Чего вы не выезжаете?» А куда мне ехать? Ну, куда мне ехать?

Мама мне рассказала, как украинские военные ходили по улицам. И один солдат маме сказал: «У нас приказ, мы будем отходить отсюда, будем делать «черный парк» здесь». То есть стереть с лица земли.

21

Антон Владимирович Савич, житель г. Угледар.

Украинцы все это время, ну, то есть была огневая, ну, то есть стреляли отовсюду. Стреляли со стороны Запада.

Обстрелы шли постоянно. Иногда даже спать было сложно, три года постоянно обстрелы. Визуально мы видели, что это были украинские националисты.

Вот здесь к крылечку школы приехала машина. Покушать там, гуманитарка, вода, крупы, каши там в коробках. Это капелланы, то есть христианских церквей. Давайте помолимся, давайте. Машина отъехала и тут же прилеты. Дверь железная, она вся как решето. Даже можно снять, она вся пострелена. А мы там с мужчиной часто в шахматы играли.

От снарядов, от прилетов, поубивало, поразрывало местных. Вот могилы. Мы хоронили, где могли, на мусорной, где могли. Я вот лично хоронил в самом начале Руслана. Здесь Денис похоронен, потом Андрей. У Игоря тренер по борьбе вот буквально может полгода назад вышел из подвала у себя там и прилетел снаряд и его разорвало. Руслан погиб два года назад, в самом начале, возле остановки, на выезде внизу, возле остановки первой шахты, там и могила.

Там бочка была, на углу Вектора. Мы ходили за водой. Четырех человек разорвало на куски. Мясо так валялось всё. И таких случаев, просто от снарядов, много.

22

Вера Семеновна Махова, житель г. Угледар.

Я жительница города Угледар с 1979 года. Работала в больнице, работала на шахте, я медработник.

ВСУ не просто стреляли, они расстреливали город. Начали с того, что начали расстреливать город.

Как только вечер наступал, первые этажи все спали под окном, потому что спать было на кровати нельзя. ВСУ ходили по улицам и стреляли по окнам, стреляли по балконам. Все это летело в квартиры.

А потом их минометы стояли. Выезжали вечером, вывозили минометы. Вот это в одном месте станет пострелять, в другом... Ну, короче, обстреливали хорошо город. Порасстреляли все магазины по очереди. Расстреливали и все оттуда вытаскивали. Расстреливали и все вытаскивали. А потом многие жгли после.

Наши квартиры, все какие только можно, открывали топорами, открывали ломиками. У кого плохо открывались, допустим, металлические двери, ломиками ломали это все. И квартиры, и дома, и гаражи открывали и забирали все, что можно было. Все машины, как и только можно было, все подобрали. С улицы так это точно все забрали. А гаражи тоже вытаскивали так методично все это.

ВСУ забирали вещи, пересылали все. У меня знакомая на Новой почте работала. Говорила, чего только не высылали. И мебель, и машинки стиральные, и холодильники, и телевизоры, и вещи. Все, что хочешь. Такие вот разговоры.

Говорили, что на Западной Украине, матери вояк ВСУ, говорят: ой, такие щедрые люди на Украине, присылают нам такие подарки. Конечно, прислали. Все самое новое, все самое хорошее позабирали. Со всех домов, где только мы жили.

Мы поехали к себе на дачу. Я детям отдала квартиру, жила 20 лет на даче. Все у нас позабрали, все что только можно было. Остальные вещи пораскидали, потоптали посуду, поперебили шкафы, как топором побили.

Я потом говорила кому-то из них - ну зачем это было делать, ну ладно вы забрали что-то, но зачем было? Ну вы же понимаете, там же рядом было окно. Так окно целое, а рядом шкафы побиты.

Привозила нам церковь то вареники, то голубцы. Раздавали в ведерках. А в последнее время к нам не стали пускать волонтеров. Сказали, что тут людей нету, нечего сюда ездить. Люди доехали и их вернули назад. Говорят, хорошую гуманитарку везли. Наш украинский начальник милиции, полиции запретил сюда везти.

Приехали журналисты с Эстонии. Вот скажите, как это можете пробачить про жестокость, что россияне роблят. Что я буду им говорить? Как я могу сказать? Что вам нельзя этого простить? Тут глянуть нельзя было на них как-то косо, не то, что там что-то сказать.

Задают вопросы разные каверзные. Как только начинаешь отвечать что-то такое, что им не нравится, они сразу же отключают запись. Видно, что отключают. Не снимают это. Иногда вот было такое, что мы смотрели, тогда еще интернет был. Вот я с ними разговариваю, они меня снимают. Вопрос такой же, ответ совсем другой. Я же вижу, что я не так говорила. Как это скомбинировали, или как? Совсем другой ответ получается.

23**Иван Андреевич Пономаренко, житель г. Угледар.**

Мои друзья рассказывали, что ВСУ приезжали на запад города у нас, на Молодежную улицу и стреляли в сторону Павловки, а потом разворачивали дула и стреляли по городу. По третьей школе попали пару раз. Там крыша загорелась тогда.

Российских войск тут не было близко. И после первых двух-трех месяцев Специальной военной операции первые прилеты в дома были со стороны Курахово. Это с севера. С украинской стороны, получается, прилеты. Потому что дома были побиты и все с севера. Со стороны Украины. Если по карте смотреть.

Какая-то украинская бригада военных сюда зашла. Тянули мешки с больницы с медикаментами, полные мешки. В квартирах все двери вскрывали. Они с телевизорами выходили, с холодильниками, с микроволновками. Я лично видел из четвертого этажа. Я наблюдал с балкона лично. Люди на Молодежке жили, тоже видели, как ночью приезжали пикапы ВСУ. И ночью по этажам грузили все, что можно. Это, считайте, через пару дней, когда они только выгнали людей. Через пару дней сразу пошли чистить квартиры.